

Матьяна Веденская

ЛУЧШИЙ
РОМАН
ОБ
ОТНОШЕНИЯХ
журнал
секреты

Не
ХОДИТЕ, ДЕВКИ,
ЗАМУЖ!
♥

Тираж книг достиг
1 000 000 экземпляров!

Татьяна Веденская

Не ходите, девки, замуж!

«Автор»

2010

Веденская Т.

Не ходите, девки, замуж! / Т. Веденская — «Автор», 2010

На многие семьи посмотришь и диву даешься: зачем супруги живут вместе – только крики, обиды, недоверие. В жизни Дианы и Владимира все было мирно, почти идеально: в ребенке души не чаяли, друг к другу относились с уважением, признавали за каждым право на личное пространство. Мечта, а не семейная пара – да? Только вот жене почему-то так не казалось. Чего Диане не хватало? Может быть, истерик, что так часто случались в семье ее родителей? Или страсти с битьем посуды и проверкой содержимого карманов, которая сопровождала быт ее подруг? Никто не мог понять, что происходит с женщиной, когда та пустилась во все тяжкие. Даже она сама...

© Веденская Т., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Глава первая,	5
Глава вторая,	10
Глава третья,	15
Глава четвертая,	21
Глава пятая,	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Татьяна Веденская

Не ходите, девки, замуж!

Глава первая, *в которой мы знакомимся с идеальным мужчиной*

*Борьба за место по солнцем
часто начинается затемно...*

Он появился в моей жизни почти два года назад. Красивый. Большие зеленые глаза, черные волосы и невероятная улыбка, при виде которой хочется смеяться и петь. Иногда я просто лежу рядом с ним и смотрю, как он спит, как во сне переворачивается и сбрасывает с себя одеяло, отчего кажется совсем беззащитным. Если меня что-то беспокоит, я всегда могу подойти к нему, раскинув руки, и он обязательно обнимет меня и прижмет к себе, если, конечно, не будет в этот момент занят чем-то важным. У него много важных дел. Он вообще человек не слова, а дела.

Он молчалив. Говорить не любит, и мне приходится исхитряться, чтобы вызвать его на разговор. Отвечает он односложно и никогда не скажет ни слова, предварительно не подумав. Меня это поражает, сама я совершенно не такая, я могу говорить без умолку, хоть час, хоть два. И его это совсем не раздражает, он любит меня слушать. О погоде, о природе, о том, что надо сегодня надеть, будет ли дождь.

Вот уже почти два года, как я все свое время провожу только с ним. С утра до вечера, и обратно, с вечера до утра – всегда вместе, как одно целое. Вместе просыпаемся, обычно он будит меня, ласково, но настойчиво тормозит и дергает за нос или за уши. Он – жаворонок, из-за чего я имею определенные проблемы, потому что сама по всем признакам сова. Но ему трудно сопротивляться, он будит меня, мы завтракаем, болтаем о всякой ерунде. То есть, конечно, это я болтаю, а он слушает и улыбается. Потом мы идем гулять, вниз по нашей улице, взявшись за руки. Да, он спокойно ходит со мной за руку, не выдергивая ладонь, не возмущаясь, что это «бабские штучки».

Он любит все делать вместе. Когда я готовлю – он всегда предлагает мне помощь. Да, у него это получается не очень, его руки не справляются со всякой муторной кухонной работой, но ему нравится, он старается. Ему хочется быть полезным, хочется, чтобы я его хвалила. Я хвалю всегда, хотя, конечно же, без него было бы проще готовить и, уж точно, не пришлось бы потом столько убирать. Иногда я еле сдерживаюсь, чтобы не накричать, не потребовать, чтобы он не лез не в свои дела, не мешал мне... в основном мне удастся остановиться, но не всегда, к сожалению. Часто мне кажется, что он меня обязательно разлюбит, ну, за что меня любить такую – вредную, даже грубую. Такую обычную. Но он счастлив, только когда мы вместе. Это удивительно, что можно так любить человека.

Мы вместе читаем книги, смотрим телевизор. Тут он имеет право голоса, мы всегда смотрим те передачи, которые любит он. Раньше я еще как-то пыталась возражать, но со временем смирилась. Он не выносит телесериалов, особенно не смешных. Целые художественные фильмы еще как-то, особенно если это боевики с кучей спецэффектов, а вот телесериалы – никак. Может даже накричать, если увидит, что я потихоньку от него на кухне все-таки смотрю эту ерунду.

Признаюсь честно, у меня никогда и ни с кем не было таких отношений. Мы практически погрузились друг в друга. Если ему больно, я тоже чувствую боль. Я просыпаюсь, если он плачет, с ним это случается. Наверное, снится что-то плохое. Хотя странно, как ему может сниться

что-то плохое? Но он вообще плохо спит, сколько я его знаю. И совсем не может заснуть, если меня нет рядом. Я нужна ему как воздух, он любит меня безоглядно, он смотрит на меня как на богиню. Ему все равно, в халате я или в вечернем платье. В халате я нравлюсь ему даже больше. Он любит запах моих волос, он обожает обниматься, считает мою грудь идеальной и, конечно же, своей безраздельной собственностью. Если бы все мужчины были такими, жизнь была бы лучше, и все мы, женщины, были бы безоглядно счастливы. Но он такой один – самый лучший мужчина на свете. Цельный, неспособный на подлость, наивный и нежный. Идеальный. Не то что я.

Я – зрелая, тридцатидвухлетняя женщина с темным прошлым, с гуттаперчевой совестью, с какими-то глупыми представлениями о жизни, эгоистичная¹. Мне нужно было больше времени для себя. Все вокруг кричали, что им не хватает «близости». Все мои подруги мечтали, чтобы их любили так же, как он любил меня. Многие говорили, что я просто не понимаю своего счастья и что два года – это совсем не срок, что можно еще годик уж точно потерпеть. И что потом я обязательно пожалею.

Возможно. Но я за два года так наелась этой тотальной близости, что иногда хотела выпрыгнуть в окно и сбежать. Наверное, я плохая. Очень нехорошая. Просто никуда не гожусь. Но я все решила, и это решение уже действовало отдельно от меня, оно завоевывало пространство, поражало мой мозг изнутри, как вирус. Я долго шла к этой мысли... нет, скорее долго бежала от этой мысли, но она нагнала меня и победила. Не могу сказать, чтобы я умела сопротивляться, особенно самой себе.

Как-то вечером, причем не просто вечером, а очень-очень поздним вечером, когда он уже спал, я выдернула свою ладонь из его руки, тихонько встала, вышла из комнаты, пересекла холл нашей большой, тихой трехкомнатной квартиры на улице Расплетина и, остановившись на кухне в непривычной тишине, вдруг поняла, что сделаю это. Да, это было предательством. Вдвойне предательством, так как он этого совершенно от меня не ждал. И ничем этого не заслужил. Но мне уже было недостаточно только этих поздних вечеров, когда он спал. Я хотела вернуть себе свободные дни, часы, посвященные какой-нибудь ерунде, типа болтовни с подружками или походов в парикмахерскую. Мне хотелось снова начать красить ногти. Я понимала, что ему будет все равно, даже если у меня будет воронье гнездо на голове, но мне вдруг стало не все равно. Мне нужно больше времени лично для себя. Было бы смешно, если бы не было настолько правдой.

Я посмотрела на себя в зеркало, у нас в холле имелось огромное старинное зеркало, в котором можно было увидеть больше, чем просто отражение. Я увидела, какие у меня огромные круги под глазами: это от недосыпа, от всей этой жизни вне графика, от замкнутости друг на друге, всегда, круглые сутки.

– Я хочу видеть и других людей! – произнесла я вслух, но женщина в зеркале только криво усмехнулась. Я вспомнила, как я когда-то ходила на работу, еще до того, как появился он. Вспомнила Татьяну, нашу начальницу, у которой муж ушел к любовнице, прихватив с собой полквартиры. Мы с Танечкой тогда могли разговаривать часами, не покидая рабочих мест! Особенно когда мой собственный муж ушел от меня к моей лучшей подруге, с которой мы практически выросли вместе. Которая была мне как сестра. А кто сказал, что муж не может уйти от тебя к сестре? Мы с Танечкой очень сблизились в ту пору, у нас появился общий враг – мужчина изменяющий. Мы пили чай и ходили на перекуры. О, перекуры! Сейчас это стало недоступной роскошью для меня. Он ненавидел, когда я курила, так что я практически бросила курить. По крайней мере, не курила в течение дня, когда он мог бы увидеть, унюхать и скривить физиономию, посмотреть на меня с таким сожалением, что хоть беги. Оставались только вечера.

---

¹ Об этой героине можно прочесть и в романе «Не в парнях счастье» Т. Веденской.

Я оторвала взгляд от лохматой, усталой, бледно-серой женщины в старинном зеркале и крадучись подошла к входной двери. Воровато оглянувшись и бесшумно проскользнула в тамбур. Там, в ящике для обуви, за гуталином и ворсистой щеткой лежала она – моя пачка сигарет «Русский стиль», как яблоко познания добра и зла, и ждала своего часа. Я на ощупь нашла ее и вытащила на свет божий. Первое грехопадение за целый день.

– О да! – прошептала я, с удовольствием затягиваясь и вдыхая терпкий аромат табачного дыма. – Я все-таки сделаю это. Завтра же! И я позвоню маме, она может мне помочь, у нее богатый опыт.

– Ты действительно сможешь это сделать? Вы же практически не расставались и на пару часов! Ты же так его вроде бы любишь, – напомнила мне моя мама, Зинаида Ивановна Сундукова.

– Люблю, – пригорюнилась я. Мой зеленоглазый принц, почему люди неидеальны? Почему не могут следовать даже своей собственной мечте, зачем им это «свободное время», нужное зачастую только для того, чтобы без зазрения совести курить в течение дня.

– Так как же тогда?

– Я думаю, так будет лучше, – промямлила я в ответ. Как и все люди, твердо решившие сделать что-то плохое, я старательно искала и находила причины, почему поступить по-другому нельзя. – Так будет лучше для нас обоих.

– Возможно, ты и права, – вздохнула мама. – Я могу тебя понять. Когда-то я не могла найти даже минуты, чтобы хоть как-то выдохнуть. Твой папа...

– Как он, кстати? – перебила я маму. Сколько себя помню, моя мама никогда не могла «хоть как-то выдохнуть». Эта фраза прежде не имела для меня никакого смысла, а теперь я вдруг поняла, что сама чувствую нечто подобное: не могу «выдохнуть» свободно. И выдохнуть тоже. Значит, вот что мама имела в виду.

– А что ему сделается? – фыркнула мама. – Пивную, кажется, еще не закрыли.

– О, это понятно, – усмехнулась я. – Кто ж ее позволит закрыть! Наша пивная – это же достояние народа. Культурная ценность, место общественной жизни всего нашего района.

– Смейся-смейся, а я слышала, между прочим, что ваш дом на Карбышева все-таки снесут.

– Где слышала? – поморщилась я. – Опять в поликлинике болтают? Этот дом снесут только в одном случае, если жильцы сами в него динамиту подложат. Кстати, хорошая мысль. Надо только, чтобы никто не пострадал.

– Диана, я серьезно, – обиделась мамуля. – Мне Аркашка говорил. Он тебе не звонил, кстати?

– Не-а, – покачала я головой. Аркашка мне звонил все реже, хотя в первое время, когда я только переехала на улицу Расплетина, он частенько позванивал, и мы с ним болтали. Аркашка – мой сосед снизу в доме, который построил Джек... Шучу. В том доме, где я родилась, выросла, научилась всему, что могла, то есть курить, выпивать, ждать у моря погоды и прочим полезным вещам. Я родилась и выросла в старой пятиэтажке, стоящей торцом к бульвару Генерала Карбышева, в первом подъезде, расположенном как раз напротив пункта приема стеклотары, где собиралась и собирается по сей день вся алкогольная общественность нашего района. Моя квартира под номером тринадцать располагалась на пятом этаже, Аркашкина – прямо подо мной, а пивная прямо за углом, с другой стороны здания пункта приема стеклотары. Все эти обстоятельства никак не могли пройти бесследно для моей психики.

– Аркашка сказал, что ему в почтовый ящик положили какую-то бумажку. Ты вообще-то почту хоть проверяешь? Или все пустила на самотек? – строго спросила мама. Я, конечно, подтвердила, что почту из родного дома забираю так, что «будьте-нате». Раз в неделю, а то и чаще, что, конечно же, было полнейшим враньем. На Карбышева я не появлялась вообще.

- Мне ничего не присылали, но я на всякий случай еще раз проверю, – пообещала я маме.
- Не проворонь, а то переселят вас в какую-нибудь дыру, – пригрозила мама.

Я рассмеялась про себя. Честно говоря, большей дыры, чем дом моего детства, трудно себе даже представить. И еще одно обстоятельство делало отчий дом местом отвратительным: подруга. Та самая подруга детства, которая увела у меня мужа. Она жила в том же доме и в том же подъезде, только на первом этаже. С моим бывшим мужем. До сих пор. Так что, куда бы меня ни переселили, если в этой новой «дыре» не будет Катерины и Сергея Сосновских, я буду считать, что мне дали квартиру в раю.

- Я не думаю, что все так срочно. Столько лет ждали, и вот так вдруг. С чего бы?!

- Ну смотри, смотри. У тебя там жильцы живут?

– Живут, – кивнула я. Квартира сдавалась уже два года, с тех самых пор, как появился он, мой идеальный мужчина, а я окончательно переехала на улицу Расплетина. Квартира на Карбышева была в руинообразном состоянии, как и все в этом доме, уже больше десяти лет как ожидавшем своего сноса, так что много я за нее не просила, что очень устраивало противоположную сторону. Так, в любви и согласии, мы прожили все это время, даже не видясь. Деньги посылались на сберкнижку, и всем было хорошо. Мне хотелось только больше никогда туда не ходить.

- Не спялят они тебе квартиру?

- Если спялят, может, будет еще лучше, – хмыкнула я. – Хлама меньше.

– Какая-то ты взвинченная, – пожала плечами мама. – Значит, ты все решила насчет Мусяки? Ты уверена?

– Он не может провести всю жизнь, уткнувшись носом в мою грудь, – вздохнула я. – Он должен уметь как-то обходиться без меня.

- Ему только два года, можно же отдать его в садик и на следующий год, – вставила мама.

Я разозлилась. Услышать это из маминых уст, да еще после того, как она категорически отказалась сидеть со своим нежно любимым внуком Мусякой без присутствия хотя бы одного из родителей – это было просто оскорблением. Впрочем, разрушительная сила Мусяки была такая, что я отчасти могла бы маму понять. Если бы у меня было хоть какое-то время, чтобы что-то там понимать.

– Мам, ты просто не представляешь, как я устала. Мусякин – он, конечно, совершенно замечательный. Но я сплю по пять часов уже два года. Он днем ни минуты мне не дает спокойно побыть с собой. Он будит меня в шесть утра.

– Ладно-ладно, – отступила мама. – Раз ты так решила, значит, делай. У вас отличный садик прямо чуть ли не во дворе.

- Лишь бы место было, – продолжала я. – Не так сейчас просто получить место в саду.

- А что твой Владимир говорит? Он что думает?

– А что Владимир? Он не возражает, хотя ему это не так уж важно. Еще бы, Мусяка же его не дергает так, как меня. Владимир работает все время, пока мы с Мусякиным на ушах тут ходим. Видела бы ты, во что Мусякин вчера кухню превратил. Нашел пакет с мукой и рассыпал. А потом еще масла сверху налил. И думал, я буду радоваться и веселиться. А я вышла из кухни всего на пять минут!

- Нет, тогда точно – в садик, – сказала мама, явно стараясь мне угодить.

Она тоже души не чаяла в Мусяке, нашем сыне, официально названном Ванечкой, ее внуке, которого все кругом звали Мусякиным. Это было его первое слово. Он, видимо, так называл меня: Мусяка или что-то вроде того вместо традиционной «мамы». Мой Ванечка никогда не искал легких путей. Смешной зеленоглазый малыш с невероятно высокой разрушительной силой и удивительной способностью мусорить. Мой Мусякин, которого я так любила и которого теперь вот собиралась отдать в садик, чтобы не пойми зачем вернуть себе это самое пресловутое «свободное время».

– Но что, если он меня никогда не простит?! – тихонько спросила я.

Мне была противна даже сама мысль, что я могу отодвинуть на второй план эту безоглядную преданность, эту готовность разделять со мной каждую конкретную минуту моей жизни, и выдвинуть вперед какие-то сиюминутные нужды, какую-то ерунду типа «мне тоже нужно свободное время и пространство». Не стоило даже пытаться объяснить Мусяке, что это такое, он бы просто не понял.

– Ты придаешь этому слишком большое значение, – возмутилась мама. – И вообще, два года – нормальный возраст, чтобы идти в садик. Мусякину там понравится. Там дети, там игрушек много, гулять они будут ходить, на качелях качаться. А ты просто буйнопомешанная мать. Он ездит на тебе, а ты терпишь. В конце концов, можешь сначала водить его на несколько часов.

– Несколько часов! – мечтательно протянула я.

И представила себе, как возвращаюсь домой из садика, ставлю кофе, который никто не опрокидывает на меня, не сыпет туда соль, не подливает заварки или еще чего. Как выпиваю этот самый кофе, горячий, а не остывший за пару часов, пока я развлекала утреннего энергичного Мусяку. Пью кофе в тишине... или нет, под новости... нет, вообще, под «Малахова», к примеру. Никаких мультиков, никакого Спанч Боба, никаких пищущих над ухом развивающих игрушек. Мечта! А разве я могу отказаться от мечты, даже ради Мусяки? Тем более что даже мой муж Владимир, и тот поддерживает и вполне одобряет мое начинание. Его можно понять: однажды Мусякин утопил папин ноутбук в ванне. Вместе со свежезаконченным переводом какого-то научного трактата для журнала.

– Я буду тоже его отводить, – тихим голосом, чтобы Мусяка не слышал, сказал мне Владимир. И подмигнул мне, давая понять, что в этом заговоре у меня есть сторонник, на которого я смогу опираться каждый день. Да, наш милый маленький сын, которого мы оба обожали до невозможности, явно собирался пойти в садик. Такова уж была его судьба!

Глава вторая, *посвященная вопросам наследственности*

Хорошее дело браком не назовут. А за плохие дела могут и наказать!

Мой супруг Владимир Германович Тишман – очень хороший человек. И с этим не сможет поспорить никто, кто хоть немного его знает. Достоинств у Владимира много, и они явно перевешивают некоторые минусы, которые я лично стараюсь просто не замечать. У всех ведь есть недостатки, верно? У моего мужа они тоже были. Иногда это вызывало во мне чувство протеста, но я успешно боролась с ним. Разве можно на что-то жаловаться, когда живешь с таким прекрасным человеком! Как говорит моя мама, я просто с жиру бешусь иногда. Может быть, она и права.

– Чего тебе еще надо? – спрашивала она меня. – Он же не пьет?

– Не пьет, – подтверждала я.

Он и вправду совсем не пил. Даже совсем наоборот, мой муж был помешан на здоровом образе жизни: он бегал по утрам, летом переходил на велосипедные поездки. Он знал, чем надо питаться, а чем нет. Отчего поднимается давление, а отчего опускается. Он два раза в год проходил диспансеризацию, так как очень боялся инфарктов и прочих статистически вероятных для мужчин его возраста коллапсов. Ему скоро должно было исполниться сорок пять, хотя на вид ему с трудом дали бы и сорок.

– Не курит? – продолжала вызывать к моей совести мама.

– Куда там, – вздыхала я.

Он не только сам не курил, но и постоянно пытался заставить меня бросить курить. Мне стоило больших усилий скрывать мое пагубное увлечение. В любой момент, будучи пойманной с сигаретой в руке, я была обречена выслушать длинную лекцию о вреде курения. Я знала наизусть, что именно происходит с моими легкими, когда я вдыхаю дым. И что будет потом, и как велик процент смертей от рака легких – в общем, на вопрос, курит ли мой муж, я, вздыхая, отвечала, что нет.

– Гуляет? – допрашивала мама.

Вопрос этот не был праздным, ибо мой первый муж гулял и еще как гулял. Был Сергей Сосновский балагуром и весельчаком, девушки приходили в восторг от его уверенности, от его шуточек и флирта, так что гулял он весело и с удовольствием. Впрочем, теперь это была не моя проблема, а моей бывшей подруги. Я уже говорила об этом? Что ж, такое нелишнее и повторить. Какова дрянь!

– Нет, не гуляет. То есть гуляет каждый день, но исключительно для тонуса и иммунитета, – уточняла я. – Токмо здоровья для.

– Бьет тебя?

– Что ты! – пугалась я.

Ситуации, когда мужчина может ударить женщину, в моей жизни не возникало ни разу. Даже в родительской семье только мама могла залепить папе оплеуху, если он плохо себя вел. Батюшка мой – типичный представитель сильно пьющего пола, частенько вызывал мамино недовольство, хотя ничего ТАКОГО не делал. Он вообще ничего не делал. Всю жизнь просидел на лавочке около пункта приема стеклотары. Той самой, что располагалась прямо напротив подъезда моего отчего дома. Сейчас, правда, родители живут в другом месте, в нескольких кварталах от стеклотары, в бабушкиной квартире. Но папина привычка проводить свои дни на нашей лавочке осталась.

– Ну вот! С Мусякиным помогает? Любит его?

– Не то слово! – соглашалась я, и в этом вопросе, надо признать, Володя был совершенно идеален. В ребенке нашем он души не чаял и позволял тому совершенно сесть себе, а заодно и мне, на голову. Отчасти это объяснялось тем, что Мусякин был его единственным сыном, родился он, когда Володе уже стукнуло сорок три года. Согласитесь, при таком раскладе было бы странно не любить ребеночка. Мы оба любили Мусякина безоглядно, чем и портили его.

– Тебе с ним просто сказочно повезло! – резюмировала мама. – Я с твоим отцом всю жизнь только слезы лила!

– Да? – удивлялась я, потому что чего-чего, но слез я не наблюдала в глазах моей мамы. Разве что, если она тоже выпивала.

– А как я жила? Что я видела в жизни хорошего? Твой отец же мне даже выдохнуть не давал, – упиралась мама. Вот это самое – насчет «выдохнуть» – я слушала всю свою сознательную жизнь, но так и не поняла, что именно имела в виду мама под этим словом. Что она много работала? Возможно. Папа получал пенсию по инвалидности, иногда подрабатывал в стекляшке, получая оплату натурпродуктом, то есть разливным пивом. Мама же – вечно усталая ворчливая женщина, получившая образование в одном из чудесных учебных заведений, именуемых теперь у нас колледжами, а в ее студенческую бытность звавшимися просто ПТУ, – свою трудовую биографию создавала, стоя у станка на кондитерской фабрике. Можно догадаться, что детство мое было настолько «сладким», что я до сих пор не могу даже смотреть на конфеты. У мамы были широкие шершавые ладони, доброе сердце и громкий голос. Еще она умела материться так, что даже у бывалых закладывало уши.

– Ты права, мам, – на всякий случай согласилась я, отодвинув трубку телефона от уха. Фразу про «выдохнуть» мама практически прокричала.

– Конечно, я права. Хороший муж – большая редкость, – подчеркнула она, припечатав к этому пару совершенно непечатных слов.

Я покачала головой, но ничего не сказала, дабы не усугубить мамино словотворчество. Только про себя немного порадовалась, что большую часть своего генетического набора Мусякин явно получил не от меня вместе с моими мамочкой и папочкой, а от мужа. Черные волосы и зеленые Мусякины глаза – это от него. Володя с первого взгляда показался мне очень даже красивым. Хотя тогда же и исключительно замкнутым, нелюдимым и высокомерным субчиком. В то время я работала в банке, а он обслуживался у нас в отделении, приезжал обычно на велосипеде или прибегал в спортивном костюме. Владимир был румян, имел здоровый цвет лица – живой укор всем курящим и пьющим. В банке Владимир Германович Тишман стоял в очереди, выполнял все свои дела почти молча, отвечая на вопросы короткими «да» и «нет», и ни разу не посмотрел кому-то в лицо, не то чтобы в глаза. Он умудрялся жить погруженным в себя, отчего смотрелся невероятно заносчивым. Что ж, я лишний раз убедилась, что никогда не стоит судить о людях по первому впечатлению.

– Да, он хороший. Только вот вся эта наша ситуация... – вздохнула я. Иногда я просто не могла найти в себе сил, чтобы посмотреть на вещи рационально.

– Не дури и будь счастлива, – проворчала мама. Ее можно понять, после всех этих лет с папой, который периодически приползает домой на карачках, мой муж казался ей просто идеалом. С ним определенно можно было хоть как-то вдохнуть. И даже потом выдохнуть. Владимир оказался милым, очень терпеливым и неконфликтным мужчиной, молчаливым (здесь Мусякин тоже пошел в него), готовым всегда прийти на помощь. Он хорошо зарабатывал, работая переводчиком с нескольких языков.

Итог такой: мой муж Владимир Тишман – ответственный человек, способный обеспечить свою семью. Он добр, умен, обаятелен, у него чудесные друзья, а вот родственников, напротив, никаких нет. Только где-то в Санкт-Петербурге живет его мать, которую я никогда не видела. Они с ней не слишком дружат. Да что там, они практически вообще не общаются, хотя он

регулярно посылает ей деньги. Пару раз я видела квитанции за переводы, но ни разу Володя ничего не сказал о своей матери. Если я спрашивала, говорил, что он уже достаточно взрослый, чтобы общение с родительницей сводилось к пересылке денег, но то, как он это говорил, наводило на мысль, что не все так просто. Что-то там было между ними. Но что именно между ними произошло и почему они совсем как чужие – я не знаю. Прожив с Владимиром больше трех лет, поняла, что, если он сам чего-то не хочет с тобой обсудить, лучше и не лезть в душу. Все равно никакого толку. Владимир всегда был последователен и тверд в своих решениях. Это же тоже плюс? Наверное.

В общем, одни только плюсы. И как я смею даже помыслить о каких-то незначительных минусах? Вот только в определенных областях жизни эти малюсенькие минусы оказались моей самой большой проблемой. Иногда мне казалось, что весь мой мир, столь спокойный и нерушимый, держится только на честном слове, стоит на зыбучих песках, висит на волоске, который может оборваться в любую минуту. Почему мне так казалось? Были ли у меня какие-то основания, чтобы испытывать такие непозволительные чувства? Нет, не было. Почти. Но чувства – разве можно ими хоть как-то управлять?

– Мам, я буду счастлива. Особенно если ты возьмешь Мусякина завтра утром, – схитрила я. – Посидишь с ним пару часиков?

– М-м-м, – замаялась мама, но момент для этой просьбы был выбран идеально. Клинь сомнения уже был вбит в мамину оборону. И чтобы не упустить преимущества, я добавила:

– Мне надо добежать до управления образования, теперь так сложно устроить ребенка в садик. Чтобы записаться на прием, я стояла в очереди с шести утра! – пояснила я. И пригрозила: – Ты что, не хочешь, чтобы Мусяку взяли в садик?

– Я свое уже отсидела! С тобой, – выкрикнула она.

– Ты говоришь об этом, как о тюремном сроке! А ведь когда-то ты мне обещала, что будешь с внуком сидеть в любой момент! – нанесла я хорошо рассчитанный удар. – Всего пару часов.

– Я все понимаю, – вздохнула она. И, подчиняясь неизбежному, согласилась: – Я посижу.

– Спасибо! – обрадовалась я. – И потом, ты же так его любишь!

– Люблю, – согласилась она. – Только я до сих пор кафель в ванной не приклеила обратно после прошлого визита Мусяки.

– Но как он смог? Не понимаю...

– Мы же, кажется, о твоём сыне говорим? – ехидно переспросила мама. – Он может целый дом взорвать, если дать ему побольше времени.

– Может, отвезти его ко мне на бульвар? – рассмеялась я. – Решить вопрос сноса?

– Диана, – строго оборвала меня мама, – только пару часов. Не больше. Не испытывай моего терпения.

– Мам!

– Два часа, – уперлась она. – Я все понимаю, но и ты меня пойми. У меня на пенсии только, можно сказать, жизнь началась.

– Два часа, – с готовностью кивнула я, понимая, что большего мне все равно не получить. – Думаю, я все успею.

– Придется, – заметила она.

– Но это в наших общих интересах – получить садик! – отбилась я и повесила трубку. Да уж, у нас с мамой были непростые отношения. И чем дальше, тем сложнее. Но с возрастом я начала замечать, что, несмотря на мамины крики, ее грубость и прямоту, несмотря на папино пьянство и на то, что он постоянно забывал, как зовут моего сына (а иногда и меня), с ними мне значительно легче, чем зачастую с моим собственным добрым и тихим, таким во всех отношениях хорошим мужем.

– Ма-ам-муся! – раздался полный тревоги голосок из спальни. Мусякин проснулся, а меня не было рядом. Что-то сейчас будет, поняла я и, чтобы не получить по полной программе, понеслась к нему.

– Мама тут, – засюсюкала я. Мой сынок сидел в своей кроватке и хмурил маленькие бровки.

– А ты хде биля? – спросил он.

– Я тут была, кашку тебе варила, – защебетала я, схватив его на ручки. Большие зеленые глаза смотрели на меня с неодобрением.

– Не хасю кафку.

– Ну как же так? – помотала головой я. – Надо кашку!

– Неть! – категорически возразил он.

Следующие сорок минут были потрачены на то, чтобы сначала все-таки уговорить его съесть эту чертову овсянку, а потом отмыть кухню от нее. Мусяка плевался кашей на дальность, хохотал и хлопал в ладоши, если удавалось доплунуть до стены, а я носилась за ним и делала страшные глаза. Но потом пришел с работы Владимир, и все успокоилось. Как всегда, Мусякин бросился ему на шею и сразу как-то затих.

– Что это ты весь в каше? – усмехнулся муж. – Ты же не вырастешь, если кашу есть не будешь.

– Выясту, – возразил сын.

– Не-а, – замотал головой Володя и вытаращил на меня глаза: – Мама, ты знаешь хоть одного мальчика, который бы вырос без кашки?

– Ни одного не знаю, – старательно закивала я. – Все так и остались малышами.

– Точно. Помнишь того малюсенького мальчика из первого подъезда, – заговаривал зубы Мусяке муж, пока я под шумок пихала сынишке в рот остатки каши прямо из кастрюли.

– А как же. Он же так и не вырос. Врачи ничего не смогли сделать.

– Точно! – уморительно-серьезным тоном сказал Володя.

Мусяка глотал кашку, восхищенно глядя на своего папашу. А тот потихоньку бросал ободряющие взгляды на меня. Мол, не волнуйся. Я пришел, я с тобой. Я помогу тебе, можешь быть спокойна.

– Пап, а ойки едят кафку? – спросил сын с набитым ртом.

– Кто? – опешили мы.

– Войки, – поправился он.

– А, волки? – догадался муж. Все-таки лингвист.

– Ага. Войки, – с досадой повторил Мусяка.

– Конечно же едят, – хором подтвердили мы.

При мысли, что даже волкам приходится терпеть этот беспредел с кашей, Мусякин как-то успокоился и погрузился в глубокое раздумье. О чем уж он там думал – не знаю, но кашу доел, что уже было неплохо. А потом, скорчив страшную рожицу, зарычал на нас, изобразив из пальчиков когти. От такой картины мы, не сговариваясь, прыснули со смеху.

– Ну-у! – моментально разозлился он.

– А что? – сквозь смех спросил Володя. – Что не так?

– Бойся меня! – потребовал сын. – Бойся меня, войка!

– Ой, боюсь, боюсь, – согласился муж. – А может, волку надо погулять? На горку пойдем?

– Да-а! – радостно закричал довольный Мусяка, и через некоторое время мы все отправились во двор.

Так, в общем, проходили все наши вечера. Владимир всегда старался освободиться, чтобы хоть вечером побыть с нами. Я не работала, понятное дело, и вся финансовая часть содержания нашей семьи легла на него. Впрочем, даже когда я работала, моей зарплаты хватало разве что на квартплату и проезд на метро. Рядовой менеджер в маленьком банковском офисе

– кто ж будет ему много платить! То ли дело высококвалифицированный переводчик с огромным опытом и репутацией. Но при этом Владимир не пользовался своим положением, чтобы откосить от обязанностей отца. Никогда. Сколько раз я слышала от других мамаш на детской площадке про мужей, которым только бы сбежать от семьи на работу. Про тех, кто, приходя с работы, заваливается на диван с газеткой или утыкается в телевизор. И кричит оттуда, чтобы его хоть по вечерам оставили в покое. У кого-то мужа прятали деньги, и приходилось со скандалом выбивать их на бытовые расходы. У кого-то мужа пили. Но только не у меня.

– Покачать тебя? – спросил Володя, подхватывая Мусяку с горки.

– Ага! – обрадовался тот.

Я стояла рядом и смотрела на них, таких похожих и все же совсем разных. У обоих были зеленые глаза, но Мусякины глаза светились ярче, чем у его отца. Оба были молчаливыми, но Мусякин просто не умел еще высказать все, что хотел. А Володя считал, что, сколько ни говори, ничего сказать нельзя. Для него слова были только способом решения определенных задач, с которыми он так или иначе сталкивался в повседневной жизни. Еще слова были предметом его профессиональной деятельности, он брал чужие мысли и облекал их в форму того или иного языка. Но никогда бы он не стал словами объяснять, что он чувствует. Не стал бы говорить о любви...

Любовь. Нет, Владимиру любовь была не нужна. В этом и была самая главная разница между ним и нашим сыном: Мусякин любил меня со всей силой своей нежной, только недавно родившейся на свет души. Он прижимал меня к себе, часами смотрел мне в глаза и не мог оторваться, мы целовались каждую минуту, по поводу и без. Мы были нужны друг другу как воздух, мой сын любил меня, а мой муж только «прекрасно ко мне относился», и все. «Так уж получилось, – говорил он. – Что такое вообще любовь? Покажите мне научное определение, – смеялся он. – Разве тебе недостаточно, что ты можешь во всем на меня положиться? Разве мало, что у нас с тобой одинаковые жизненные планы, – удивлялся он. – Я прекрасно к тебе отношусь, у нас здоровые отношения». От этих слов мне хотелось дать ему сковородкой по башке. Да, мой муж был во всех смыслах прекрасным человеком, но иногда, лежа в его объятиях, слушая, как спокойно и размеренно он дышит, я думала, а вот это – тоже просто часть наших таких во всех смыслах «здоровых» отношений? И от таких мыслей мне сразу хотелось курить. Мой муж... Послушайте, о чем это я. Ведь по большому-то счету он и мужем-то мне не был.

Глава третья, *в которой все не так уж и плохо*

*С-с-с-совесть?
Этого у нас нет!*

Обычный день моего мужа начинается с... Да, я понимаю, что звать Владимира мужем не совсем, что называется, политкорректно, но... Я позволю себе и дальше называть его так, раз уж привыкла. В конце концов, что между нами такое, если не гражданский брак? Три года я живу в его доме на улице Расплетина, и за все три года он не вызвал никаких нареканий и вообще вел себя вполне идеально. Как отец особенно. Когда Мусякин только родился, Володя без всяких понуканий с моей стороны отправился со мной в загс, где торжественно подписал все необходимые бумаги. И Мусякин, вместо того чтобы оказаться беспризорным сыном одинокой безответственной мамы, стал Иваном Владимировичем Тишманом, любимым сыном любящего отца.

Но и на этом добропорядочность Владимира не окончилась. После того как все официальные бумаги были подписаны и получены, Владимир отправился в паспортный стол, заставив нас отстоять длиннющую очередь, и затем без единого сомнения или каприза прописал Мусяку в свою большую трехкомнатную квартиру, чем окончательно покорила сердце моей мамы. После всего вышеисполненного даже она перестала жаловаться на то, что он не желает жениться. Разве можно требовать чего-то еще от мужчины в наше время, в нашем городе и вообще в нашей галактике? Особенно если учесть некоторые обстоятельства нашего знакомства, о которых мы, конечно же, стараемся не вспоминать, но которых и отменить нельзя. В свое время мы просто сели за большой и круглый стол переговоров, как два еле знакомых, очень одиноких и весьма колючих человека, и приняли решение вместе родить ребенка – одного на двоих. Да уж, вот и вся любовь. И кому какое дело, как далеко от тех наших договоренностей мы ушли на сегодняшний день? И кто будет с нас спрашивать за то, что мы стали спать вместе и жить как любая нормальная семья. И кому все это вообще интересно? Гражданский брак? Да. Гражданский муж? Еще более «да». Здоровые отношения? Трижды «да» и залпы салюта. Но...

Обычный день начинался для моего мужа с пробежки, зарядки и непременно выливания на свою красивую и умную голову ведра холодной воды. Что ж... Летом я еще могла это понять, зимой меня передергивало от одного его полуголого вида, сама я не могла себя заставить вылезти из кровати, пока сам Мусякин путем ряда насильственных действий не сдирает с меня одеяла. Владимир пытался по какой-то специальной системе, никогда не жарил продуктов, старался заменять мясо рыбой, постоянно читал какую-то макулатуру, посвященную здоровью. Я покуривала в тамбуре, когда Мусякин спал. На заре наших здоровых отношений, когда я, кстати, еще называла их по-другому (мне казалось, что я полюбила, но... ш-ш-ш, не будем вспоминать всякие глупости), на заре наших отношений Владимир пытался и меня приобщить к здоровому образу жизни. Но если здоровые отношения меня еще как-то устраивали, то ведро холодной воды на голову и бег под московскими дождями и смогом – нет уж, увольте. Я лучше пока в тепле кофейку попью. С подружками посижу, поболтаю. С Мусякой посмотрю «Тайну третьей планеты». Или какой-нибудь фильм про Джеймса Бонда. Мусякин обожает Бонда, он начал смотреть кинокартины о нем раньше, чем начал говорить. Уж не знаю, чем этот герой ему так нравится, но если мне надо организовать себе немного свободного времени посреди бела дня, агент 007 – единственный мой шанс.

Мой муж не тратит времени на глупый ящик, как он называет телевизор. Наши с ним распорядки дня не совпадают тотально, мы как будто с разных планет, но умудряемся, однако, мирно жить и не спорить. Мы не ссоримся, не таим никаких друг на друга обид. Мы с удовольствием ходим вместе гулять в парк или на бульвар, любим сына, можем долго разговаривать на кухне о политике (это он) или о семейных дразгах в домах моих подруг (это, конечно, я). Он звонит мне из города, когда возвращается с переговоров, и спрашивает, чего нужно купить. Жизнь наша мирная и комфортная, сладкая до приторности. Иногда мне кажется, что это как раз оттого, что мы не любим друг друга. Только тот, кого любишь, может сделать тебе по-настоящему больно. Во всех остальных случаях броня слишком крепка. И после того, что было в моей жизни, после моего мучительного, невыносимого, хотя и зарегистрированного должным образом брака с Сергеем Сосновским, который в силу моей к нему любви мог и делал мне так больно, что иногда было трудно даже дышать, я уже не хотела любить. Мне было хорошо. Почти хорошо, потому что люди никогда не бывают довольны целиком и полностью. Но мне нравилось, как тихо, спокойно и гармонично течет теперь моя жизнь. Сейчас, когда мой самый любимый человек на свете пошел в детский садик, моя жизнь мне нравилась больше, чем когда-либо.

Я отвела Мусяку в ясли в первый раз где-то в середине сентября. Можно было и чуть раньше, но Мусякин был немного вял, чуть покашливал, и мы с мужем решили дать ему еще пару недель перед тем, как он столкнется с суровой правдой жизни. И надо сказать, что для человека, за все два года своей жизни ни разу не расстававшегося со мной больше чем на три часа, он перенес это испытание с достоинством. Всю дорогу в заветное детское учреждение я рассказывала ему, что садик – это такое специально подготовленное для него место, с игрушками, карандашами и прочим детским оборудованием.

– Для меня? – удивился Мусякин. – Спе... списияльна?

– Списияльна, – с готовностью подтвердила я. Да, было бы лучше, чтобы я поправляла его неправильные слова, но он так прикольно их порой произносил, что мы с Володей тоже начинали говорить их именно так – по-мусякиному.

– Что ж, – воскликнул он и, к моему вящему удовольствию, пошел в группу безо всякого сопровождения.

Я смутно помнила, как моя мама тащила меня за руку, не оглядываясь и не придавая значения моим истеричным воплям, а потом оставляла в предбаннике, прямо как я была, в шубе из коричневого искусственного меха, которую нам отдала соседка, в варежках на резинке, продетой в рукава, в дутиках и с сопливым носом. Меня водили в садик всегда, дома оставляли лишь тогда, если у меня была температура под сорок. Маме надо было работать, как она говорила, за себя и за того парня. Подразумевалось, что от папиных трудовых усилий в стекляшке никакого толку, крошечной зарплаты, выдаваемой натурпродуктом, то есть пивом «Жигулевским» разливным, нам с мамой все равно не видать. В общем, мама бросала меня на маленькой лавочке перед шкафчиком, и я самостоятельно раздевалась и отправлялась в группу, искренне боясь, что в один прекрасный день мама забудет меня забрать. Однажды именно так и произошло, только мама была ни при чем. Она уехала на две недели в санаторий от кондитерской фабрики, а я была оставлена с бабушкой и папой. В первый же день папа просто немного перебрал и забыл меня забрать, а бабушка обнаружила это только в половине девятого вечера, когда приехала к нам из своей квартиры. Папа мирно спал в туалете, а в квартире не было никаких признаков моего присутствия. Когда бабуля прибежала в садик, взмыленная и матерящаяся на все лады, я мирно сидела в каморке сторожа, застывшая от страха. С тех пор я как-то не доверяла взрослым в этом вопросе. В школе все стало проще: оттуда можно было ходить домой самостоятельно. С ключом на толстом шнурке, который висел у меня на шее, я чувствовала себя гораздо увереннее. Теперь же, когда я вела в садик своего сына, я нервничала не на шутку. Однако все прошло совсем неплохо.

– Мусяка? – окрикнула я ребенка, который сосредоточенно развинчивал какой-то грузовичок.

– Мам! Пливет! – обрадовался он, продолжая тем не менее свое занятие.

– Домой пойдешь?

– Ну ладно, – с неохотой согласился он. В первый день он пробыл всего несколько часов и устать просто не успел. По дороге он долго молчал, а потом заявил:

– Хаёсий садик.

– Да? Почему? – удивилась я.

– Там игуськи, – пояснил он.

– Это да. Игрушки – это хорошо, – кивнула я.

– И еще у них есть многа настоясих, живых детей, – продолжил с глубокомысленным видом он. – С ними интелесна.

– Что? – только ахнула я.

– Они тожа мои? – поинтересовался Мусяка. Я поспешила заверить, что все без исключения в садике создано исключительно для того, чтобы ему было «интелесна», так что он может смело идти и играть во все, что там есть. Включая «живых» детей. Мусяка одобрил.

– И как это было? – спросил Володя Мусяку, когда тот вошел в дом после первого трудового дня.

– Нисево, – деловито кивнул Мусякин, стягивая ботиночки. – Там хаяшо.

– Ну, так надо отпраздновать, – хлопнул в ладоши Володя. И мы пошли отмечать на кухню.

Володя умел и любил готовить. Вкусно и полезно мы поужинали шарлоткой (сам Володя ограничился одним кусочком) и запеченным судаком с фасолью. Пить мы, конечно же, не пили. Когда я встречалась с Танечкой, моей подругой и начальницей с бывшей работы, я, конечно, пила. С Верой, девушкой из соседнего дома, с которой мы совместно выгуливали детей, я бы тоже выпила и не чихнула. У Веры было двое детей-погодков, Саша и Паша, трех и четырех, соответственно, лет. За последние два года мы с ней очень сдружились на почве колясок и ползунков, так что тоже могли на детской площадке посидеть с парой баночек пива или какого-нибудь коктейля. Особенно если в солнечный день. Вера, кстати, тоже курила. Но только в сторону, чтобы на детей дым не шел.

– А твой что же, вообще не пьет? – все время удивлялась она.

– Он не курит, не пьет, но он и не совсем мой, – смеялась я.

Мусякин и ее Сашка-Пашка вместе составляли отличную площадочную банду. А если к ним примешивались еще пара мальчишек из нашего двора... ух, только держись.

– Все равно. Повезло тебе.

– Думаешь? – пожимала плечами я.

Вера была девушкой простой, чем была мне невыразимо близка. Думается, наши родители тоже могли где-то пересекаться, особенно папаши. Конечно, алкаши с улицы Расплетина нечасто наносили визиты бомонду у пункта приема стеклотары на бульваре Карбышева, но могло же быть и такое. Могло? У нас с Верой было много общего: тяжелое, но веселое детство, с трудом полученный школьный аттестат, ПТУ... Стоп, в этом месте наши с ней пути разошлись. Катерина, змея, в свое время, когда еще не была гадюкой, а была моей самой лучшей на все времена подругой, вмешалась своей уверенной рукой в ход моей жизни и сбила меня с предначертанного пути, как комету с орбиты. Она заставила меня окончить десятилетку, она стала стеной между мной и ПТУ, лишив меня профессии мастера третьего разряда на каком-нибудь производстве. Она даже заставила меня поступить вместе с ней в институт, чем потрясла всю мою семью до седьмого колена. Кажется, я была первой в нашем роду, кому вручили диплом о высшем образовании. Но потом Катерина переспала с моим мужем (я уже говорила об этом?

Что ж, повторюсь еще) и убедительно доказала ему, что на первом этаже жить лучше и проще, чем на пятом. Не надо мучиться и ходить по ступеням. Лифта-то у нас в доме не было. Пяти-этажка, эх. Я, конечно, утрирую. Наверное, было что-то еще, из-за чего Сергей Сосновский оставил меня, но какая, к черту, разница. Вере я так и сказала:

– Ему просто лень стало ходить на пятый этаж.

– Козлы они! – согласилась Вера.

– Точно, – кивнула я, стараясь выдыхать дым от сигареты наверх. Мы с Верой сидели на лавочке, точнее, на ее спинке, чтобы не пачкаться, так как само сиденье было слишком грязным. И мы своим ногами только прибавляли этой самой грязи.

– Значит, в садик пошли? – спросила Вера меня. Ее дети ходили в садик уже второй год, так что у Мусяки там, в саду, был уже определенный блат, но, к сожалению, ясельная группа с Сашками-Пашками почти не пересекалась. Даже гуляли они на разных концах садовой территории.

– Ага.

– Ну и как, нормально?

– Вроде ничего. С понедельника переходим на целый день, – поделилась я. – Такое странное чувство, когда он в садике.

– Свобода попугаям? – хмыкнула Вера и выплюнула очистку от семечки.

Она была простая, как три рубля, но смешливая и легкая на подъем. И она была замужем, что очень меня устраивало. Я больше как-то не хотела иметь в своем окружении незамужних подруг. Во всяком случае, не в ближайшем окружении. А Вера была плотно замужем за крепким, коренастым Алексеем, который редко улыбался и всегда крутил на пальце ключи от своей «малышки» – машины «Рено Логан», на которой он бомбил, зарабатывая на пропитание своей большой семье. Сама Вера тоже подрабатывала на полставки в придорожном магазинчике около метро, торговала DVD-дисками, не совсем официальными, но с фильмами, имеющими хороший перевод. Благодаря Вере мы все видели новинки голливудского медиапрома раньше, чем их запускали в прокат.

– Свобода – не то слово. Я даже не знаю, что с ней делать, со свободой этой. Перед Мусякиным даже стыдно. Человеку два года, а он уже должен вставать каждый день в семь утра, – вздохнула я.

– Брось, не стоит мучений. Детям садики полезны, – заверила она меня. – А тебе тоже надо собой заняться. Хочешь со мной к Надьке пойти?

– Которая стрижет? – вспомнила я. Как у любой уважающей себя коренной местной жительницы, у Веры весь район ходил в знакомых: были у нее свои парикмахерши, маникюрши, гадалки и целители. Имелся и парнишка, который может починить фен.

– Не только стрижет, но и красит, – фыркнула она. – Ты только посмотри на свой цвет лица? А волосы, тебе же надо немедленно как-то оживить себя. Перышки тебе сделаем, перманент. Выпрямим, масочку наложим. Потрендим.

– Можно вообще-то, – задумчиво протянула я. Честно говоря, при моем практически отсутствующем (в силу нашего единения с Мусякиным) личном времени я не занималась собой уже очень, очень, очень долго. – Только без перышек. Не люблю этого мелирования.

– Тебе пойдет, – возразила Вера. – Все мужики твои!

– Думаешь? Мне мужиков, вообще-то, не надо, – покачала головой я. – Мне и одного-то много.

– Надеюсь, ты не о Ваньке говоришь? Нет? – усмехнулась Вера.

– Да о Вовке я говорю. Знаешь, Вер, я как-то вообще уже ничего больше не хочу.

– Совсем?

– Сексуальная жизнь у нас в полном порядке...

– Это как? Понедельник, среда, пятница – после программы «Здоровье»?

– Примерно, – усмехнулась я.

– Влюбиться тебе надо! – фыркнула Вера. – Закисла ты совсем за эти два года. Да и вообще, чего ты в жизни видела. Пару придурков и одного своего Володьку. От его велосипеда даже мухи сдохнут.

– Это точно, – согласилась я. – Но вот влюбиться – этого я, если честно, совсем не хочу.

– Почему? – удивилась она. – Семечки дать?

– Давай, – кивнула я и, взяв у нее пригоршню, задумалась. – Во-первых, я хоть как-то так, но все-таки замужем. Он отец моего ребенка и все такое. У нас хорошие отношения, ровные, спокойные...

– Фу, как болото какое-то.

– Может, и так. Только знаешь, я когда с Сосновским жила – вот где я любила. О, как я любила. Я могла разобрать по звукам двигателя машины, его это «Субару» к дому подъехала или нет. Я из-за этой любви до сих пор не могу спокойно мимо собственного дома ходить, все боюсь с ним столкнуться. Или с ней.

– Ну, мать, это нормально. Кому ж хочется...

– Да уж. Так что меня, знаешь, даже радует, что мне ничего не хочется. Раньше я как-то о чем-то мечтала, все ждала чего-то. Хотела любить, хотела, чтобы меня любили. Переживала даже, а теперь понимаю – Володька прав.

– Сашка, слезь с качелей, подлец! – перебила меня Вера и рванула к детям, которые вот-вот могли получить качелями по лбу.

– Мусьяка, отойди оттуда! – присоединилась я к разборке.

Мы переключились на капризничающих детей, желающих во что бы то ни стало все-таки раскачать качели до их природного максимума, и вскоре вообще забыли об этом разговоре. Я только сказала, что если уж ехать к Надьке, то в понедельник, когда Мусьяка отправится в садик на целый день, а Вера заметила, что раз я такая дура и не хочу мелирование, то хотя бы перекраситься в блондинку не помешает.

– Волосы у тебя длинные, знаешь, как мужики на это ведутся. Ну, не хочешь романа – не надо, но все равно же приятно, чтобы все на тебя смотрели.

– Чтобы все на меня смотрели, меня проще тогда перекрасить в зеленый. Внимание гарантируется.

– Так идем, значит? – уточнила она. – Я Надьке позвоню, чтобы она краску с работы взяла. У нее там хорошие краски, профессиональные. И потом, халява, опять же.

– Халява – это здорово, – согласилась я.

Дома, вечером, уже уложив Мусьяку спать после долгого активного дня (избежав шишки, он все-таки умудрился расцарапать себе коленку), я заварила себе чай в большой чашке с крышкой, потихоньку выбралась на лестницу, вытащив из-под обуви свой «Русский стиль», и затянулась, глядя на темнеющую улицу с тусклыми фонарями. Да, как странно, но я действительно скорее рада, чем огорчена, что в моей жизни нет большой любви. Хочется, знаете ли, как-то уже пожить хоть немного для себя. Хотя бы пока Мусьякин в садике. Сделаю себе новую прическу, может, даже с перьями. Схожу к косметологу. Я не красавица и никогда ею не была. Зеркало мне не льстило, а я и не стремилась особенно в него смотреть. Но мне захотелось просто как-то позаботиться о себе, побаловать себя какими-нибудь масками, сделать массаж, что ли. Может, съездить куда-нибудь на выходные отдохнуть. Или купить себе какое-нибудь сногшибательное белье. Деньги у меня были. Деньги с некоторых пор перестали быть для меня проблемой. Всю мою жизнедеятельность, включая коммунальные платежи, оплачивал Володя, а чистый доход от сдаваемой в поднаем хибарки на бульваре Карбышева шел в мое безраздельное пользование, на пластиковую карточку, которой я почти никогда не пользовалась. Вот, кстати, еще один плюс нашего спокойного, как море в штиль, сожительства с Володей – он никогда не бывал скуп. Ни за одну потраченную мною копейку он не высказал

ни одного упрека. Купила половичок в ванную? Отличный половичок, давно пора было. Приобрела новенький утюг у назойливого паренька из торгового центра, который целыми днями наглаживает и распаривает один и тот же пиджак? Отличная идея, действительно очень удобная вещь. Хотя мы и не носим пиджаков, но ведь можем и начать. В будущем.

– Ты такой хороший! – иногда умилялась я и чмокала Вову в щечку.

– Я вполне отвечаю своему назначению, – отвечал он, потрепав мои волосы.

И это было именно так. А вот у той же Веры и ее мрачного Алексея семейная жизнь постоянно сотрясалась какими-то криками, упреками и попытками объясниться. Вера требовала зарплаты, Алексей считал, что она не умеет экономить, она ненавидела его гараж, который только казался местом для хранения его «малышки», а на деле был местом сбора всей автомобильной шушеры в районе. Алексей презирал многочисленных Вериних подруг и мог выгнать нас с кухни, когда мы там у нее пьем чай, потому что ему надоело слушать наши пустые бредни. А ведь считалось, что у Веры и Алексея – любовь. И они как бы делают все, чтобы быть счастливыми. Забавно, потому что мне Вера не меньше пары раз в месяц звонит с криками, что бросает этого ублюдка. А мы по несколько часов кряду разбираем и обсуждаем все его слова (часто нецензурные) и поступки (в основном сексуального характера). В то время как моя жизнь без большой любви протекает спокойно и счастливо, в атмосфере мира, доверия и согласия. Алексей ревнует Веру даже к администратору палатки с дисками, Васгену, от которого Веру просто тошнит. Вера шарит у Алексея по карманам и принюхивается к запахам в «малышке», лазит по бардачку и старательно вчитывается в чеки. Любовь. Нет, в конце концов, я хоть и не сразу признала, но сейчас уже знаю точно: я искренне рада нашим во всех смыслах прекрасным, здоровым отношениям. И во всеуслышание готова заявить – Владимир прав. Жить надо спокойно и для себя. А любить можно детей.

– Ты куришь? – из двери высунулся с неодобрительным видом Володя.

– Я уже все. Иду.

– Там битва экстрасенсов начинается, – заботливо предупредил он.

– О, спасибо. Там, правда, повтор прошлой программы будет, но все равно спасибо, – вежливо ответила я и улыбнулась в ответ. А ночью, отвернувшись после непродолжительных, но вполне приятных сексуальных действий с его стороны к стене, я подумала, что и секс, по большому счету, уже не представляет для меня того интереса, как раньше. И что в принципе я могла бы спокойно обойтись и без этого. Но раз уж это есть – хорошо, почему бы и нет. Врачи говорят, это полезно для здоровья. Просто если бы его, секса, не было, я бы не переживала. Я бы, наверное, даже предпочла массаж. Да, определенно, массаж – это отличная идея. И вообще, раз уж Мусякин пошел в садик, надо по полной программе заняться собой.

Глава четвертая, в которой мне можно пожелать счастливого пути

Бытие определяет сознание.

Что ж я такая несознательная-то?

– С тобой все в порядке, дорогая? – заботливо спросил меня муж, когда я на нетвердых ногах зашла в квартиру.

– Да, все отлично, – заставила себя произнести я, максимально удерживая речевой ритм. Язык слушался плохо.

– Да? – иронично переспросил он, демонстративно помахав рукой перед носом. Значит, амбре не пропало после половины пачки мятной жвачки. Плохо, плохо.

– Вы уже ужинали?

– Определенно, да, – хмыкнул он, помогая мне повесить плащ на вешалку. Я и сама понимала, что вопрос этот был глупым до невозможности в десять с лишним часов вечера. Конечно, они ужинали, они чистили зубы (Владимир всегда следил, чтобы Мусякин занимался этой процедурой не меньше трех минут), и, как я выяснила, заглянув в комнату сына, они уже легли спать, так и не дождавшись меня.

– А-а, – неопределенно протянула я, не зная, что еще сказать. Да, так себя вести я не должна была. Я определенно заслуживала кары, недовольства и порицания. Я была готова даже к скандалу, хотя, конечно, предпочла бы отделаться просто извинениями.

– Ты бы поаккуратнее, – вежливо пожал плечами Владимир и пошел по направлению к своему кабинету.

Я нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, при твоей наследственности... – сделав рукой круг по воздуху, пояснил он. От этих слов меня бросило в жар. При чем тут наследственность? Ну, выпила с подружкой, которую не видела с полгода, наверное, что тут такого? Ну, задержалась, да, не позвонила, потому что телефон разрядился, а я об этом узнала, только когда уже собралась домой. Однако ведь ничего страшного не произошло, я знала, что Мусяку заберет из садика он, что мы так договорились. А он знает, как болезненно я отношусь ко всякого рода намекам на мои гены.

– Знаешь, от твоих слов мне еще больше хочется выпить, – воскликнула я. – Сударь, вы меня покидаете?

– Поговорим завтра, – сухо бросил он и ушел.

Я осталась стоять в прихожей в одном сапоге, я была в растерянности. Все чудесное настроение дня куда-то улетучилось, оставив после себя только навязчивое желание закурить, что я и сделала, натянув второй сапожок. Стоя перед большим окном на лестничной клетке, я вспомнила, как Танечка, с которой мы, собственно, и встречались, смотрела на меня сияющими глазами и искрилась от счастья.

– Я влюбилась, Динка! Влюбилась!

– Влюбилась? Ты серьезно? Ты же... но ты ненавидишь мужиков, – удивилась я. Танечку, как я уже говорила, тоже в свое время бросил муж. Ушел к любовнице, а потом отсудил у Танечки половину ее честно заработанной квартиры. И вот на тебе – влюбилась.

– Он... мы с ним... Понимаешь, он не такой.

– Что, у него четыре глаза и восемь сосков?

– Фу! – вытаращилась на меня Танечка, а некоторые особенно ушастые посетители кафе, где мы сидели, обернулись и присмотрелись к нам с интересом.

– Так что, снова принц на белом коне? Конь-то есть?

– Не-а, – еще шире улыбалась Татьяна.

Выяснилось, что большая, светлая и чистая любовь пришла к ней со стороны соседнего дачного садового товарищества в лице худого и длинного садовода по имени Даниил.

– Он разводит пчел! – гордилась она. – У него даже кролики есть. Он все сам.

– Вау! – только и оставалось сказать мне. И продолжать хлопать глазами и чокается рюмками, выслушивая ее подробный рассказ о том, как они с Даниилом (совершенно случайно) оказались и в Москве практически соседями. Она – на Беговой, он – на Шмитовском проезде. По мне, такое соседство – не ближний свет, но для влюбленной Татьяны семь лишних верст не крюк.

– Он, конечно, был женат, но сейчас...

– Развелся? – хмыкнула я.

– Нет, овдовел. Дети уже большие, – поделилась она. Я понимала, что и в самом деле я вполне могу порадоваться за подругу, которая обрела в одном лице и мужчину мечты, и лишнюю пару рук в огороде, и бесплатный мед. Что тут плохого? Почему же я чувствовала одно только раздражение и злость, немотивированную, но сильную агрессию, мучительное желание встать, перевернуть наш столик вверх ногами и заорать.

– Я рада за тебя, правда, очень, – говорила я, улыбаясь. А злость, по совету психолога из телевизора, которого за последние годы я смотрела в избытке, я перенаправила в салфетку, которую мяла и рвала в кулаке под столом.

– Спасибо, – улыбалась Танечка. И, черт, она действительно выглядела счастливой, хотя пчеловод был сомнительный: без машины, без отдельной квартиры, по профессии, кажется, инженер. Но дело было даже не в этом. Танечкин взгляд, эти сияющие глаза – я силилась понять, что же это там внутри ее происходит, какая химия, что с чем вступило в реакцию, что ее так трясет и распирает. Глядя на нее, я почувствовала себя совершенно пустой. Не в том дело, что мне некого любить. Даже если бы кто-то и мелькнул на моем скорбном, хотя и комфортном жизненном пути, я бы схватила за пуговицу и от греха убежала бы подальше. А даже если бы и осталась – вряд ли во мне бы зашевелилось хоть что-то. Или я бы подумала: зачем оно мне надо? Господи, это ж сколько мороки – ждать звонков, бояться одиночества, ругаться, мириться, не спать по ночам. Нет, покой мне дороже, это факт. Наверное, я постарела и с годами утратила способность любить. Знаете, как люди утрачивают зрение или слух. Глядя на Татьяну, мне стало ясно, что после всех этих лет, после Сосновского с его взбрыками, после развода, после рождения Мусяки я просто хотела бы спокойно читать журнал на лавочке в тихом осеннем парке. Одна. Какая большая разница: Татьяна сияет от счастья, а я могу только вежливо улыбаться. А чтобы придать глазам блеску, могу закапать визин, если кому-то это нужно.

– Ну, а как у тебя дела? – спросила она наконец, когда ее любовный экстаз поутих.

– Я в порядке, – заверила ее я.

– Точно? Ты что-то какая-то грустная, – из вежливости продолжила она.

– Нет, все нормально. Осень просто. Знаешь, ты молодец, Танюшка, так держать. Жени на себе этого Даниила и будь счастлива.

– А как у вас с Володей?

– О, просто замечательно, – с преувеличенным энтузиазмом замахала я руками. – Володя просто ангел. Работает, не пьет, не курит, не ругается. Вот чистый ангел, что скажешь. Ничего. А раз так, давай не будем с тобой о нем говорить. Давай-ка лучше выпьем, да?

– За тебя. Слушай, а ты уже грудью-то Ванечку не кормишь? – насторожилась Танюшка.

– Уже не кормлю, – улыбнулась я. И мы оставили в покое моего гражданского мужа и снова принялись на все лады восхвалять пчеловода. И дошли до того, что сменили одно кафе на другое, потом вообще поперлись зачем-то в наш банк на Октябрьском Поле, там выпили

еще с Леночкой, которую из операционисток повысили до моей должности – кредитного консультанта. Попутно я поняла, как на самом деле скучна и омерзительна была моя работа, переводящая время на деньги по определенному курсу. Мой курс был невысок. Годы прилипали к рабочему столу незаметно, день за днем, в соответствии с действующим законодательством. Они утекали с чаепитиями, улетали с дымом сигарет.

– Ты возвращаешься-то когда? – спросила меня Леночка, стряхивая пепел в мусорку у входа.

– Возвращаться? Не знаю, – пожала я плечами. – Если и есть в моем Владимире что-то по-настоящему хорошее, так это то, что позволяет мне не работать.

– Везет! – протянула Ленка. – А мой-то ни за что не даст мне уйти. Слушай, Дин, а ты хорошо выглядишь.

– Спасибо, – кивнула я, немного шатаюсь.

Вполне понятно, почему к вечеру я была уже не в состоянии соответствовать высоким требованиям Владимира к моральному и физическому облику. Ну и что, ну и наплевать. Он думает, что я могу спиться? А что, в принципе могу. Какие мои годы? Продолжу дело отца. Я представила, как я приползаю на карачках домой, как с трудом карабкаюсь, цепляясь руками за перила, а земля уходит у меня из-под ног. Нет, спиваться я не собиралась, но то, что Владимир держит у себя в голове такой вот забавный страх в отношении меня, было смешно. С этой самой мыслью я отправилась спать. Раздеваться я для разнообразия не стала, так и плюхнулась в нашу ортопедическую супружескую постель, справедливо полагая, что сегодня Владимир не станет нарушать моего чуткого девичьего сна и останется в кабинете. Его тактичность вкупе с его неконфликтностью просто потрясала. Интересно, что бы сказал нормальный, реальный муж, если бы я вот так пропадала где-то целый день, а потом пришла в таком вот интересном положении?

– Проснулась? – спросил он меня наутро, засунув нос в спальню. Вместе с ним в комнату заполз запах чего-то вкусного, возможно, даже печеного.

Я медленно продрала глаза и потянулась, глядя на свежего, уже явно побегавшего Володю. Монстр, а не человек.

– Просыпаюсь.

– Я подумал, что тебе надо выспаться, и забрал будильник. Так что Ванька уже в саду.

– О, здорово! – улыбнулась я, удивившись, что голова у меня практически не болит. – Ты извини, что я вчера...

– Ладно, брось, – только махнул рукой он. – Пойдем лучше завтракать.

– А чем же пахнет? – повела носом я.

– Просто тосты с сыром и сок. Если хочешь, можно еще кефирчику тебе налить.

– Не, кефирчик не надо, – помотала я головой, стряхивая последние остатки сна. С утра, конечно, весь хаос странных, упаднических мыслей, обуревавших меня вчера, совершенно исчез. Поэтому, когда муж спросил меня, как там моя подруга, я только усмехнулась.

– Танька-то? Она влюбилась.

– Влюбилась? Она ведь, кажется, старше тебя? – заметил он.

– Да, ей уже, наверное, под сорок, – согласилась я. – А при чем тут это?

– Да уж, смех. И кто же он? – продолжал любопытствовать Владимир, аккуратно, с помощью ножа и вилки разрезая свой тост.

– Пчеловод.

– В смысле? Не понял.

– В прямом смысле. Он на даче пчел разводит. Так почему это смешно? – Я подняла на Володю глаза.

– Как же, в таком-то возрасте! Что она, девочка? Может, она и в Деда Морозе еще верит? – улыбался Владимир.

- Они, может, нашли друг друга, – махнула рукой я.
- А, конечно. Шли-шли и нашли вторую половинку. Это ее муж располовинил?
- Да, и что?
- Ничего, – пожал плечами он. – Просто получается, что от нее и так осталась половинка. И с ним они теперь одно целое. А его жена куда делась?
- Умерла.
- Еще лучше. Так что, она хочет разделить с ним все: и горе, и радость? У нее еще осталась недвижимость, чтобы поделиться с ним? – насмешничал он.
- Не все же такие? – обиделась я.
- Все-все, – заверил меня муж. – Или она, или он. Но можно быть уверенным, когда идут крики о большой любви, кто-то от кого-то чего-то хочет.
- Ну, почему же. Иногда люди просто хотят быть вместе, им просто хорошо, они любят друг друга. Я думаю, у Тани все будет хорошо.
- Возможно.
- И потом, ты вот смеешься, но сам-то тоже вон Мусякина принял, прописал и все такое. Ты не такой плохой, как хочешь казаться, – приперла его к стенке я. – Другой бы заставил меня его прописать, а потом бы стал зажимать деньги. И спорить из-за того, кто должен ребенка в садик водить. И за чей счет английская школа. Ты же не такой?
- Поверь мне, я такой же точно, просто Ванька – это мой сын. Я ждал его, я хотел его, это был мой добровольный выбор, – почему-то разозлился Владимир.
- Ну, а пчеловод – это Танин добровольный выбор.
- Мужчина не может быть честным, – заметил он. – Ребенок – да. Ребенок – это единственное, что имеет значение.
- Значит, я для тебя – пустое место? – спросила я, чем совершенно сбила Володю с толку.
- Почему? – опешил он. – Мы же не об этом говорим.
- А, чего там, – хмыкнула я и потеряла виски. Вот теперь голова у меня начинала болеть. – Давай и об этом. Значит, ты считаешь, что я – это только неизбежное приложение к ребенку. И если бы можно было заполучить его как-нибудь без меня, ты так бы и сделал?
- Дина, что за глупости?
- А когда ты со мной спишь – это зачем?
- Я не хочу говорить в таком тоне, – моментально сдал назад Владимир. – У нас же все хорошо, что с тобой? Это все из-за похмелья наверняка.
- Наверняка. Уж точно не из-за того, что я живу с женщиной, которому на меня наплевать! – расхохоталась я.
- Это не так.
- А как?
- Я очень дорожу нашими отношениями, – пробормотал Володя. – Это очень серьезно, мы растим ребенка, мы несем ответственность. Что ты хочешь, в конце концов?
- Я? Знаешь, что самое смешное? Я ничего не хочу. Ничего. Вчера я смотрела на Татьяну и вдруг обнаружила, что мне нравится то, насколько я пуста и спокойна. Я прекрасно себя чувствую, мне хорошо. ХОРОШО!
- Зачем же ты кричишь тогда? – удивился он.
- Ни за чем. Ладно, извини, – теперь уж сдала назад я. – Наверное, ты прав. Это просто похмелье. Я просто вчера как-то разнервничалась. Наверное, я устала.
- Наверное, – кивнул он, не зная, что сказать еще. Это интересный вопрос – отчего бы я могла устать, если я никак и нигде не напрягалась? Однако версия, что я устала и просто нуждаюсь в полноценном отдыхе, очень понравилась Володе. Он тут же предложил мне еще немного поспать и поговорить, когда я отдохну.

– Не хочу, чтобы мы ругались, – сказал он и ласково провел рукой по моим перекрашенным Вериной парикмахершей волосам. На два тона светлее, разница не слишком заметна, но удовольствие я получила. К тому же выяснилось, что у меня улучшилось качество волос. Должно быть, сказалось все-таки постоянное Володино здоровое питание.

– Ладно, действительно, чего мы-то с тобой должны ругаться? – примирительно, хоть и не без сарказма, протянула я. – Ну не любим мы друг друга, и что? Зато у нас здоровые отношения.

– Любим, не любим? Что это? Кто это решает вообще? – пожал плечами Володя. – Ты считаешь, любовь в том, чтобы поставить штамп и всем кругом сказать, что вот, мол, он мой, а она моя? Или в том, чтобы звонить каждые пять минут, а потом от ревности разбить кому-нибудь лицо? И рыдать через каждые пять минут? Если ты имеешь в виду это, то да, я не люблю никого. Я это тоже уже проходил. Мне хватило. Я предпочитаю жить настоящим. И если здесь и сейчас, в моем сегодняшнем дне, на моей кровати сидишь ты – я рад тебе. Но это не значит, что я должен вцепиться в тебя с криками о большой любви. Возможно, завтра тебе самой уже не захочется сидеть на моей кровати.

– И ты меняпустишь?

– А я могу тебя удержать? – удивился он.

– Ну... если бы хотел...

– Даже если бы хотел, – вздохнул он. – Вспомнил Сосновского. И стоило бы его удерживать?

– Нет, – грустно согласилась я.

– Ладно, спи давай. Сегодня-то ты никуда бежать не собираешься? – улыбнулся Володя и накрыл меня одеялом.

Я выключилась моментально, а когда проснулась, жизнь снова побежала по своему кругу, требуя от меня все внимание, которое я только могла в себе найти. Муж уехал на переговоры, так что мне надо было встать, привести себя в порядок, позвонить маме, узнать, не нужно ли ей что-нибудь из продуктов. Обычно раз в неделю я приезжала к родителям, чтобы немного помочь с уборкой и продуктами и вообще дать им хоть немного выдохнуть. И вдохнуть. Мама уставала, стала сварливой, чем раньше, постоянно ругалась с папой, чье здоровье требовало серьезного внимания. Можно, конечно, было заехать и завтра, но у меня в холодильнике лежало три килограмма отборной парной свинины, купленной по случаю. Ее надо было отдать сегодня. И хорошо бы еще до того, как заберу Мусяку из сада, заскочить в детский мир и прикупить ему осенние ботиночки. Из старых он, естественно, вырос. В его годы (во все два) дети так быстро растут.

– Бегаешь? – спросила меня мама, когда я влетела к ней в квартиру.

– Ага, – кивнула я. – А вы как? Не деретесь?

– С кем? – хмыкнула мама. – С папашей твоим? То-то была бы драка, он бы от одного моего хлопка выключился.

– Как он?

– Да плохо, – вздохнула она. – Приехал какой-то дружок его, так они вчера по паре рюмок хлопнули, и все.

– Что все? – смутилась я.

– В зюю папашка, вот что. С пары рюмок. Все, доча, пиши пропало. Спился он, алкаш проклятый. Раньше и бутылки мало было, а теперь вот.

– Слушай, может, это хорошо? – осторожно спросила я.

– Кодировать его надо, – заявила мать. – А то подойдет. Я вот передачу смотрела, можно ему в чай порошок подсыпать, так его от водки рвать будет. Может, едрить его, купить? Ты не видела передачу? По первому каналу показывали.

– Не, мам. Не видела. И не думаю, что все эти методы безопасны, – поежилась я.

– Ладно, подумаем, – мрачно пробормотала мама, и мне стало ясно, что папуле моему теперь придется туго. Не избежать ему маминого энтузиазма.

Папа пил давно и с достойным уважением постоянством. Мама тоже, конечно, могла принять на грудь, но папа пил так, что становилось понятно – это и жизнь его, и профессиональная деятельность, и призвание, и отдых, и тяжелый труд. Всю жизнь то мама, то бабушка, то участковый, то кто-то еще пытались призвать папочку к ответу, вразумить и направить на путь истинный. Он воспринимал все эти приставания как вызов, которому он должен и будет противостоять, пока достанет сил. И стоял он до последнего и готов был, как легендарные матросы «Варяга», уйти на дно вместе с бутылкой, лишь бы не сдаваться. Однажды мама, помню, имела такую неосторожность, как послать нашего папашку в магазин за куском говядины, луком и сметаной, без которых было невозможно изготовление пристойного борща. То ли мама устала слишком, чтобы идти сама, то ли просто забегалась и попутала стороны света, но факт в том, что папаша оказался вдруг на свободе с чистой совестью и с карманами, полными денег. На бутылку или две лук с говядиной вполне потянуть могли. От такого расклада папаша, думается, даже оробел. Он долго копался в прихожей, проверяя, нет ли тут какой подлянки. Не встроены ли датчики в купюру, не идут ли за ним по следу легавые, не скрытой ли камерой его снимают. Когда же он выбрался из дома, мама все-таки одумалась, вспомнила, с кем дело имеет и за кого замуж шла.

– Динка! – крикнула она мне. – Беги за отцом. Пропьет же!

– Не успеть, – покачала головой я, но вставила ноги в валенки (да, кажется, была зима) и рванула в направлении стекляшки. Конечно, я не стала испытывать судьбу и искать прародителя в овощном магазине, побежала напрямки к вино-водочному прилавку, где и был папаша пойман с поличным.

– Ты! – прошипел он при виде меня и вцепился намертво в поллитровку «Кристалла».

– Отдай, – потребовала я и стала надвигаться на него, осторожно, чтобы не спугнуть.

– Не надо. Ты же дочь моя! – возопил он, но я, во-первых, желала отцу только добра, а во-вторых, хотела борща.

– Папа, верни бутылку. Надо мяса купить.

– Ага, – безропотно кивнул он и сделал вид, что возвращается к окошку кассы.

– Вот и молодец, – обрадовалась я и на полминутки снизила свою бдительность.

И вот именно тут отец родной ловким и точным движением руки молниеносно вскрыл бутылку и практически прямо у меня под носом взболтал ее и выпил. Нет, выпил – это неправильное слово. Скорее, над сказать, он просто влил ее внутрь, через глотку как через воронку. И раньше, чем я успела дернуться и рвануть к нему, живительная влага уже была размещена внутри его телесной оболочки, а вернуть деньги борщу оказалось невозможно. В течение следующих пятнадцати минут папу медленно накрывало: целая бутылка за пару секунд была выше его возможностей. Всю ночь отца по району с фонарями вылавливали, а мама материла почем зря, проклиная как его алкоголизм, так и свою собственную наивность.

– Ведь вот же дура-то! Нашла, кого послать! – воздевала руки к небу она, а папа, скорее всего, спал где-то с чувством выполненного долга. Так что вы понимаете, что я думала о всех маминых попытках заставить отца бросить пить.

– Мам, только без порошка, ладно? Отравишь же его.

– Его отравишь, – покачала головой она. – Он такое пил...

– Ладно, только все-таки лучше к врачу. Хочешь, я денег дам?

– Богатая? Добрый твой Владимир, повезло тебе, – назидательно посмотрела на меня мать. – Ладно, денег давай. Поведу к врачу.

– Ладно. А мне за Мусякой пора, – ретировалась я под благовидным предлогом. Весь этот разговор с мамочкой только усилил головную боль. Я испугалась, что, может быть, Володька

прав и надо мне быть поосторожнее с такой наследственностью? А то потом и мне порошок подсыплют.

– Мама, а знаешь, засем танки? – спросил меня ребенок, стоило мне показаться в дверном проеме их группы. Он был красным, довольным, грязным с ног до головы. Любимым.

– Танки? – сосредоточилась я.

– Ага?

– Чтобы стрелять?

– Нет!

– Нет? Чтобы воевать?

– Нет, – продолжал гордо мотать головой он. Я натягивала на него сухие колготки и улыбалась.

– А для чего? Скажи мне, а то я не знаю.

– Они везде ездят, – развел ручками он. – И где даёжки нет, тоже ездят.

– Где нет дорожки? Правда?

– Да.

– И что? – Я еле сдерживалась, чтобы не начать целовать его в щечки.

– Они могут пиццу ва-азить везде! – с умным видом пояснил он.

– Да ты что! – хлопнула в ладоши я.

Всю дорогу до дому мы обсуждали, куда именно можно доставлять пиццу на танках. Действительно, в этом была определенная логика. На танке оно ведь – хоть куда.

– А на дно морское можно пиццу на подводной лодке возить, – добавила я от себя.

Мусяка подумал и согласился:

– Да. Губке Бобу.

– Отлично. Вот мы и пришли, – улыбнулась я, впахивая Мусяку в лифт. Дома, как ни странно, нас ждал Владимир.

– Привет, – удивленно поздоровалась я. – Ты не на переговорах?

– Нет. Отменились, – помотал головой он. Вид у него был весьма довольный.

– Да? Здорово. Или нет? Это хорошо или плохо, что они отменились?

– Это неважно, – отмахнулся он. – Слушай, я тут думал весь день над нашим разговором и...

– И что? – замерла я. Что он хочет сказать? Что большая любовь существует? О, что-то я была не готова сейчас ни к каким разговорам о любви.

– Я думаю, что ты действительно устала и должна отдохнуть. Ты сидишь дома два года, ты уже замучилась только с нами возиться. Тебе необходимо отвлечься! – заявил он. Я была в недоумении.

– Ты считаешь? Отвлечься? И как?

– Хочешь поехать куда-нибудь?

– Поехать? – еще больше удивилась я. – Куда?

– Да хоть в Питер. Ты была в Питере? – невозмутимо продолжал он.

– Нигде я не была. Ты серьезно считаешь... А как же Мусякин?

– Да что там Мусякин? Он в садике. Я его отведу и заберу. Можно захватить выходные, тогда мы вообще будем дома. Нет, правда, Дин. Тебе надо съездить. Поселим тебя в центре города, номера там не слишком дороги. И потом, это ж только несколько дней. Посмотришь Неву. Зимний дворец, Петропавловскую крепость. Знаешь, это очень красивый город.

– Но...

– Ничего не хочу слышать. Едешь? – радостно улыбался он. Было видно, что Владимир в полном восторге от своей идеи. Я не знала, право, почему он считает мысль выпихнуть меня куда-то на несколько дней такой уж заманчивой. И к тому же я почему-то не чувствовала, что это хорошо – взять и куда-то вот так уехать. С другой стороны, у меня действительно в

последнее время шалют нервы. Володя, кажется, просто загорелся. Не стоит его расстраивать, наверное. Может, и вправду мне понравится? Я же действительно нигде не была, весь мир для меня, по сути, сводится к одному кусочку Москвы и паре мест в пригороде.

– Ну, если ты так считаешь...

– Решено, я сниму тебе номер. Гостиниц полно. Позвоню одному своему другу детства, он что-нибудь подберет и тебя встретит.

– Правда?

– Да, никаких проблем. Я думаю, его не затруднит моя просьба, – продолжал демонстрировать энтузиазм он. Кончилось все тем, что мы ринулись к компьютеру и даже нашли справочную, где заказали билеты. Если бы с Володи́ей дома не оставался Мусякин и если бы речь не шла всего о нескольких днях, я бы подумала, что Володя с какой-то специальной целью пытается выпихнуть меня и бросить на амбразуру питерских достопримечательностей. Но его намерения были, кажется, чисты, так что, неожиданно для себя, я поняла, что через неделю, в четверг, пока осень еще не стала окончательно мерзкой, холодной и промозглой, в восемь тридцать по московскому времени я еду в Санкт-Петербург смотреть на разводные мосты и прочие культурные вещи, список которых Володя обещал составить и выдать мне прямо к отъезду с соответствующими инструкциями.

– Ты уверен, что это нужно? – спросила я, когда он на следующий день приехал с выкупленными билетами.

– Дина, я хочу, чтобы ты была счастлива, – ответил мне он.

Я вздохнула и взяла билеты. Ну, если он так видит мое счастье...

Глава пятая, в которой я борюсь с бессонницей, как могу

*...я пыталась почувствовать дух свободы,
но было слишком накурено...*

Странно вообще, что я в итоге все-таки уехала. Чем ближе приближался час икс, тем меньше оставалось во мне энтузиазма. Мусякин ходил в садик, обнимался, целовал меня в щеки и требовал, чтобы я признавалась ему в любви. Он был здоров, весел и игрив, и когда я на него смотрела, то совершенно переставала понимать, какое именно удовольствие я должна получить от предстоящей поездки и зачем вообще я должна уезжать. Видя такое мое настроение, Володя злился. Выглядело это не как у обычных, нормальных людей. Он не ругался, не кричал, не говорил мне, что уже куплены билеты и что вообще-то после таких трат я обязана хотя бы носить маску удовольствия и наслаждения. Володя просто сжимал губы и уходил к себе в кабинет. И молчал целыми днями после моей случайно оброненной фразы:

– И куда только меня несет!

– Мам, а ты меня юбишь? – пропитанный за неделю насквозь моим нежеланием ехать, спросил меня Мусяка.

Володя присутствовал при этой сцене номинально, он читал какую-то немецкую статью, сидя около окна, и был погружен в себя. Но, кажется, краем уха наш разговор слушал.

– Люблю, конечно, – ответила я.

Мусякин задумался, помолчал немного, потом сощурился и глубокомысленно прокомментировал:

– Сьто-то непохоже!

– Почему? – опешила я.

– Возьми меня с собой, – неожиданно четко и без ошибок попросил Мусяка. И посмотрел на меня своими зелеными красивыми глазами, хитрющими и влажными. И захлопал ресницами.

– Боже мой, да хочешь, я вообще дома останусь, – ахнула я.

– Так, все! – не выдержал Володя и вскочил из кресла. – Перестаньте делать из путешествия трагедию. Всего каких-то жалких четыре дня. Я уже и с Сашкой созвонился, он на послезавтра с работы отпросился, чтобы тебя встретить и в гостиницу отвезти. Отель на Невском проспекте, пешком до Зимнего!

– И что? – продолжала хмуриться я, сидя в обнимку с Мусякой.

– А то, что никаких разговоров – ты поедешь и погуляешь. И вернешься в хорошем настроении. Впереди зима, наобнимаетесь еще. Иди сюда, Мусякин, будем пазл собирать.

– Па... что? – не понял Ванечка.

Я вздохнула и пошла в спальню, собираться. Оставалось только смириться, расслабиться и постараться получить удовольствие, раз уж я ничего не могла изменить. Надо было меньше пить и больше мужу улыбаться, чтобы не пришла ему в голову эта «светлая» мысль, что мне надо проветриться. Потому что, если уж какая мысль ему в голову пришла, – он от нее уже не отступится, это факт. Только Мусяке иногда удавалось пробить папину бронь, но это было исключение, скорее подтверждающее правило. Папашка у нас был кремь.

С этими мыслями, стараясь сохранить в себе позитивный настрой, я была препровождена на Ленинградский вокзал. Мусяка, которого не с кем было вечером оставить, поехал тоже провожать мамочку. Всю дорогу он требовал себе шоколадку, даже после того, как уже ее получил. Он был просто помешан на конфетах и сладостях, и нам стоило огромных усилий, чтобы

ограничивать его. Дома мы, конечно, ничего более шоколадного, чем сырки в глазури, старались не держать, но в садике Мусякин постоянно выклянчивал добавочную шоколадку. Так и втянулся, теперь и из нас вытягивал все жилы, но в итоге все-таки получал свою «Аленку» или еще какую мелкую шоколадную ерунду. И теперь, счастливый и перемазанный, он демонстрировал неожиданное равнодушие к тому факту, что я его покидаю.

– Мамочка отдохнет и вернется, – успокаивал Мусяку Володя, стоя на перроне.

Мой чемоданчик уже был засунут под сиденье. Какие-то мужики рабоче-крестьянского вида, оба в джинсах, в посеревших от грязи болоньевых куртках и в стоптанных кроссовках, уже резали колбасу на столике перед окном, а пожилая дама с одышкой, еще одна моя соседка по купе, обмахивалась журналом и хмурилась в сторону мужиков. Вечер обещал быть томным, так что мы решили подождать отправления поезда на перроне.

– Ванюшка, я буду по тебе скучать! – всхлипнула было я, но Володя строго на меня посмотрел и добавил:

– А еще мамочка привезет тебе из Питера большущий подарок. Да, мама?

– Да, – подтвердила я. – Вот такой! – и показала двумя разведенными в стороны руками, какой именно.

– А мы с тобой тут в субботу пойдем рыбу ловить на речку. Хочешь?

– Мам, пока-пока! – тут же отвернулся от меня Мусякин. И принялся выспрашивать отца, как именно ловят рыбу, какую рыбу и что потом с этой рыбой делают. Да, против такой программы не может устоять любовь даже к самой лучшей матери на свете.

– Ну, счастливо тебе съездить. Обязательно только посети Царское Село и Петергоф. Обещаешь?

– Да. – Я соглашалась со всем, но когда поезд тронулся, я, сидя на своем месте около окна, почувствовала необъяснимую тревогу и нежелание оставаться в вагоне.

Мужики, ехавшие в нашем купе, уже успели сменить стоптанные кроссовки на пластиковые синие тапки в пупырышках, а джинсы – на поношенные треники. Они размеренно, деловито и без стеснения употребляли колбасу, тихо переговаривались о чем-то своем и в итоге достали из сумки бутылку «Смирновки». Пожилая дама молчала где-то с полчаса, но потом принялась намекать, что неплохо бы мужчинам было уже залезть на свои законные верхние полки, занимаемые ими согласно купленным билетам, ибо тут они своим поведением создают волну и мешают прилечь ей и, возможно, ее молодой соседке (то есть мне) тоже. Про водку не было сказано ни слова, но если бы ее взгляд имел физическую силу, бутылка бы разбилась.

– Нет-нет, я в порядке, – помотала головой я, чем вызвала еще большее напряжение среди соседей. Удушливый запах колбасы, водки, а еще более невыносимых даминых духов, которыми она, верно, облилась с ног до головы, вызвал у меня головную боль. Я почувствовала себя невыносимо уставшей и еще раз про себя покрыла нецензурной бранью Владимира, лишившего меня родного дивана, пледа и бокала красного вина перед телевизором. Завтра, в пятницу, вместо битвы экстрасенсов я буду болтаться по музеям, бесполезно пытаюсь изобразить наслаждение великим наследием, оставленным нам предками. А сейчас вот колбаса и дама в духах.

– Хотите выпить? – из чистой вежливости предложил мне сосед, видя, как я тру виски.

– Нет, спасибо, – отказалась я после некоторого усилия над собой. Сама идея как-то смягчить пребывание в этом поезде мне была близка, но о том, чтобы пить с этими товарищами в тапках, не могло быть и речи.

– Уверены? Я, кстати, Толик, – представился один.

– Очень приятно, – автоматически кивнула я, забыв назваться в ответ. Я встала, схватила сумку и пошла к выходу.

– Извините, – опустил глаза Толик, отодвигая колени, чтобы я могла пройти.

– Ничего. Все хорошо, – отмахнулась я.

Долго я стояла в тамбуре и смотрела, как мимо меня пролетали столбы с проводами, как деревья сменялись серыми малоэтажными домиками, а потом снова деревьями. Начинало темнеть. И вдруг я прямо физически почувствовала, как мое тело, вся моя сущность отрывается от всего того, привычного, не то чтобы любимого, но составляющего рутину моей жизни. Как меня физически утаскивает в сторону, разрывая некрепкие связи, создавая пропасть между мной, стоящей в холодном, пустом тамбуре и слушающей стук колес, и Владимиром. Где-то после Твери я вдруг почувствовала, как свободна и одинока я на самом деле. Я стою здесь, немного нервная женщина за тридцать, незамужняя, имеющая сына, не имеющая определенного дела в жизни. И меня ничего не держит. Если бы не притяжение, прикрепляющее мои ступни к грязному запыленному железному полу, я бы оторвалась и полетела над лесом, над темнеющей рекой, над деревнями с покосившимися домами с коровами, мычащими в хлевах. Я закурила сигарету. Ощущение невесомости не проходило, зато ощущение страха и паники, сопровождавшее меня всю неделю, куда-то ушло. В конце концов я даже почувствовала некое подобие удовольствия.

– Я совершенно одна, – громко произнесла я и выдохнула дым.

Возвращаться в купе не хотелось. Конечно, у меня там оставался чемодан, но в нем не было ничего ценного. Сумка с документами и деньгами была при мне, а желание и дальше быть наедине с собой и со стуком колес только нарастало. Я не знала, в какой стороне вагон-ресторан, но решила ни у кого ничего не спрашивать. Не хотелось открывать рот и произносить какие-то звуки, так что я решила просто пойти в тот вагон, с которым граничил мой тамбур, а потом в следующий. Кажется, я шла по направлению к началу поезда, что, как выяснилось, было правильно. Я прошла несколько вагонов, в какой-то момент стало гораздо тише. До этого в каждом купе какие-то люди уже вовсю вели разговоры, что-то рассказывали о своей жизни. Можно было услышать обрывки этих разговоров.

– Я работал в Иркутске, пока жену не перевели в Ленинград.

– Мне кажется, в наше время молодежь была более ответственной.

– Смешно! Ха-ха, смешно! А я вот знаю анекдот... – слышала я, пропуская начало и конец фразы, но и так было понятно, что люди спешат за пару оставшихся до сна часов рассказать друг другу всю свою жизнь, разделить, может быть, даже с совершенно незнакомыми людьми свои горести, драмы, свои победы и свои планы. Показать фотографии детей и внуков, посмотреть аналогичные фотографии в ответ.

– Ой, какие миленькие! В каком классе?

– А ваши? Уже в институте? Не поверю, вы так молодо выглядите.

– Ну, что вы!

Я шла и думала, о чем бы я рассказала, если бы мне больше повезло с соседями. Фотография Мусяки у меня в телефоне. О работе в банке? О драматической истории моей любви с Сергеем Сосновским? Все как у всех. В какой-то момент вагоны изменились, в купе было только по два места, без верхних полок. Было дороже и чище, а над выходами к туалетам табло показывали, свободно там или занято. Все для людей, но самих людей было почему-то мало, и они либо молчали, либо сидели за плотно закрытыми дверями. Через пару таких вагонов и был, собственно, вагон-ресторан.

– Присядете? – спросила меня шумная и красная официантка со смешно повязанной на голове косынкой.

– Да, спасибо, – кивнула я.

Ресторан не был пуст, какие-то люди уже сидели и что-то пили и ели, но места еще были. Я забралась за самый последний столик, забилась в самый уголок и принялась смотреть в темное окно. Мне было хорошо. Света было мало, в вагоне царил полумрак.

– Что будете?

– А у вас есть красное вино? – поинтересовалась я, заранее готовясь проигнорировать критический официантский взгляд. Да, я собиралась выпить одна. Да, это первый признак алкоголизма, но наплевать. Я слишком устала, я слишком одинока и мне слишком все дозволено, чтобы я думала о приличиях.

– Есть полусладкое, – ответила официантка, вытирая пот со лба. Ей было совершенно наплевать, одна или не одна я пью. Это внушало оптимизм.

– А какой марки? – поинтересовалась я, чем вызвала ее удивление и задумчивость.

– Марки? А, «Арбатское».

– Да? – огорчилась я. Такого мне было не надо, иначе было бы трудно предсказать, в каком виде я завтра выйду из поезда. Отеки и синяки под глазами мне были ни к чему.

– Может, коньячку? – предложила она. – С лимончиком. А покушаете чего-нибудь?

– А какой коньяк? – задала было вопрос я, но поняла, что так я, пожалуй, останусь вообще без ничего. Я решила заказать бокал коньяку, стакан чаю в железном подстаканнике, какие только в поездах и бывают, немного сыра. И буду думать, что коньяк французский. Все равно я не разбираюсь в этой муре.

– У вас можно курить?

– Конечно, – удивленная моим вопросом, кивнула официантка, и через пять минут мой заказ уже стоял на столе.

Коньяк оказался именно таким, каким я его себе и представляла. Коричневым, густым. Запах сильный, но не сказать, что коньячный. Скорее водочный. Я откусила кусочек сыра, вспомнила, что за весь день почти ничего не ела, обрадовалась, что и не хочу. Усмехнулась тому, что могу быстро опьянеть. То-то моя пожилая одухотворенная (в смысле, залитая духами) дама обрадуется, когда я вернусь.

– Простите, а вы всю ночь работаете? – спросила я красную официантку, когда та пронеслась мимо с чьим-то заказом.

– До половины второго.

– Спасибо, – пробормотала я ей вслед. Да, есть надежда, что все мои соседи будут спать. Мне же спать вообще не хотелось. Сидела бы вот так и сидела, глядя на мелькающие за окном огоньки. И смотрела бы на проходящих мимо меня людей. И не думала бы ни о чем. Рядом со мной, на соседнем диванчике валялась какая-то бульварная газета, я взяла ее и прочитала. Одна женщина, у которой не было рук, научилась писать ногами так, что ее почерку позавидовал бы кто угодно. Еще учеными было выяснено, что от первого сексуального контакта остается некий невидимый генетический отпечаток, который женщина несет всю свою жизнь. И что сколько бы у нее потом ни было мужчин, этот след ДНК будет в ней всегда. И именно его наследственные черты понесут дети этой женщины, даже если генетически их отцом будет другой мужчина.

– Ну и чушь! – пробормотала я, вспомнив Мусяку. Он же просто копия Тишмана. А если следовать этой логике, он должен был быть похож на Сосновского. Лысым, с мутными голубыми глазами, с лишним весом. И с хорошим чувством юмора, которое, кстати, у Мусяки есть. А у Володи нет. И что, это признак? Я усмехнулась и перевернула страницу. Надо же, кто-то же это все пишет. И читает. Смертельно опасные космические бактерии могут уничтожить всю жизнь на Земле за считанные годы. Ох, как страшно.

– Еще коньячку? – спросила официантка, многозначительно посмотрев на меня. Я отдала ей опустевший (уже второй) бокал. Плевать мне на то, кто что думает.

– Давайте еще, – как ни в чем не бывало кивнула я и тоже проводила ее многозначительным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.